

CURRICULUM: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

2020.04.016. МАУРЕР Э.Р. СОЦИАЛЬНЫЕ СИЛЫ В ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ СЕМЬИ. (Перевод с англ.).

MOWRER E.R. Social forces in family disorganization // Mowrer E.R. Family disorganization: an introduction to a sociological analysis. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1927. – Ch. 7. – P. 145–173.

От переводчика: Эрнест Расселл Маурер (1895–1984) – американский социолог, принадлежащий к Чикагской школе. Становление Маурера как социолога прошло в Чикагском университете, где он в 1921 г. защитил магистерскую диссертацию, а в 1924 г. – докторскую. Основными областями его научных интересов уже в эти годы стали социология семьи и социология девиантного поведения (или «личностной дезорганизации»). Работая с 1928 по 1963 г. в Северо-Западном университете, он разрабатывал преимущественно эти темы.

Важнейшие работы Маурера по социологии семьи были опубликованы в его чикагские годы. Это прежде всего три монографии в «Социологической серии Чикагского университета»: «Дезорганизация семьи: введение в социологический анализ» (1927), «Домашний разлад: его анализ и лечение» (совм. с Гарриет Р. Маурер, 1928) и «Семья: ее организация и дезорганизация» (1932).

Хотя основным вкладом Маурера считается «ролевая теория» семьи, его анализ семьи и ее дезорганизации в современном обществе не сводится к этой интеракционистской (или социально-психологической) составляющей и вписывается в более широкий образец многомерного чикагского социологического исследования, включающий, наряду с этим, еще и экологический / демографический аспект, связанный с привлечением самой разной релевантной статистики.

Хотя Маурер как социолог семьи остался в тени других чикагских исследователей семьи (Э.У. Бёрджесса, Л. Котрелла и др.), его анализ дезорганизации семьи в современном обществе является наиболее полной и систематической разработкой Чикагской школы в этой области. В теории дезорганизации семьи у Маурера прослеживается много влияний: Ч.Х. Кули (прежде всего его социологического анализа романтизма и индивидуализма), Р.Э. Парка (теории города и урбанизации, анализа «романтического темперамента»), У.А. Томаса (его долговременных исследований изменения положения женщины в современном обществе), Э.У. Бёрджесса (теории семьи как интеракционной единицы) и др.

Ниже предлагается сокращенный перевод одной из глав книги Маурера «Дезорганизация семьи: введение в социологический анализ», которая дает представление как об общей концепции Маурера, так и о своеобразии его методологической позиции (своеобразной трактовке метода кейс-стади).

Ключевые слова: семья; брак; дезорганизация семьи; индивидуализм; романтический комплекс; мобильность; социальный контроль; первичная группа; город; кейс-стади.

Введение метода кейс-стади¹ в анализ дезорганизации семьи восходит, как уже было предположено, к двум источникам: 1) к по-

¹ Под методом изучения случаев, или кейс-стади, имеется в виду систематический анализ связи между атрибутами, как они проявляются в комбинации друг с другом в том или ином частном случае данного явления. Единица изучения, как указал проф. Гиддингс (Giddings F.H. The scientific study of human society. – Chapel Hill: Univ. of North Carolina press, 1924. – P. 94), может варьировать в диапазоне от одного отдельно взятого человеческого индивида или просто эпизода его жизни до, скажем, жизненной истории нации или эпохи мировой истории. Логика процедуры состоит в том, что по тем или иным причинам внимание в ходе анализа направляется скорее на комбинацию атрибутов, нежели на их распределение.

Процедура при использовании метода кейс-стади во многих отношениях схожа с процедурой случайного наблюдения, при котором рассуждение является индуктивным, а не дедуктивным. Сбор материала там, где применяется метод кейс-стади, осуществляется, конечно, более систематически, чем при случайном наблюдении. Но в любом случае часто трудно определить, насколько выводы

пыткам историков описать то, что в связи с семейной дезорганизацией выглядело трендами и тенденциями, и 2) к попыткам социальных ученых диагностировать и лечить случаи семейной дезорганизации.

Тенденции, или тренды, во временной последовательности событий или в движениях мысли историки называли «социальными силами». К важнейшим силам, воздействующим на дезорганизацию семьи, можно отнести великие движения современности: Реформацию, Романтизм и Индивидуализм. Эти движения достигают пика и находят свое наиболее характерное выражение в промыш-

автора являются результатом одного или другого из этих двух методов исследования. Нередко один из них дополняет другой.

Тем не менее в одном отношении между методами кейс-стади и случайного наблюдения есть несомненная разница. Документирование является существенной чертой первого метода и дает ему точность и признание, которыми случайное наблюдение не обладает. Документы может готовить человек, проводящий анализ, или же он может полностью опираться на документы других. Так или иначе негативные кейсы с меньшей вероятностью ускользнут от его внимания, чем когда он целиком полагается на случайное наблюдение.

Хотя профессор Гиддингс, видимо, полагает, что метод кейс-стади ведет к большей конкретности в анализе атрибутов, чем это делает статистический анализ, так как всегда берет их в комбинации с другими атрибутами, дело не обязательно обстоит так. Правда, и в самом деле можно ограничить внимание выявлением связи между всеми атрибутами в рамках одного отдельно взятого случая и тем самым сосредоточиться прежде всего на его уникальности; но можно поступить и совершенно иначе. Фактически исследователь может оказаться настолько поглощен наблюдением сходств между комбинациями в одном случае и комбинациями в других, что замечает, что перестает обращать внимание на всякую уникальность. Или он может, будучи заинтересованным в получении абстрактных комбинаций, пренебречь как несущественными некоторыми уникальными качествами и обращать внимание только на качества, кажущиеся ему значимо подобными. В этом смысле связь между атрибутами становится более важной, чем сами атрибуты в рамках метода кейс-стади. Этим путем метод кейс-стади так же наверняка ведет к абстракциям и обобщениям, как и статистический метод. Такие обобщения, однако, будут делаться в терминах «органических», а не «атомических» связей.

Описание трендов, предлагаемое историками, служит иллюстрацией, хотя и неполной, того, как этот метод можно использовать для получения генерализованных описаний последовательностей. Неполнота такого исторического анализа состоит в том, что этот метод не идет достаточно далеко – вероятно, ввиду недостатка данных, ведь, по крайней мере, до сих пор история оказывалась весьма фрагментарной.

ленной революции и в росте городов. В космополитических районах наших больших городов мы, следовательно, будем ожидать самой свободной игры социальных сил, обеспечивающих распад семьи.

Всестороннего изучения роли социальных сил в дезорганизации семьи пока еще не предпринималось. Вместе с тем некоторые книги и статьи дают, по крайней мере, существенную основу для такого исследования¹. Кроме того, намеки и оценки игры социальных сил с точки зрения здравого смысла мы находим в многочисленных исследованиях развода и ухода из семьи. Эти намеки, однако, даются в основном в терминах изменений в экономической организации общества, а не в терминах преобладающих установок, возникающих из этих изменений. Лихтенбергер посвящает главу анализу каузальной связи экономического развития Соединенных Штатов с ростом коэффициента разводимости². Кэлхун отмечает, что текучесть современной цивилизации приводит к распаду семьи³. Обсуждение индивидуализма и романтической любви у Кули вводит между тем новую ноту в анализ социальных сил, ответственных за семейную дезорганизацию⁴, хотя намеки на нее мы находим у Кэлхуна, Гудселл⁵ и даже у Лихтенбергера.

Влияние некоторых социальных сил – индивидуализма, неутомности (*restlessness*), романтического комплекса, мобиль-

¹ Simmel G. Die Grosstadt und das Geistesleben (рус. пер.: Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. – 2002. – № 3/4. – С. 23–35); Park R.E. The city // American j. of sociology. – 1915. – Vol. 20, N 5. – P. 593–609 (рус. пер.: Парк Р.Э. Город: предложения по исследованию человеческого поведения в городской среде // Парк Р.Э. Избранные очерки: сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; сост. и пер. В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко. – М., 2011. – С. 19–56); Knowles L.C.A. The industrial and commercial revolutions in Great Britain during the nineteenth century. – L.: Routledge, 1921.

² Lichtenberger J.P. Divorce: a study in social causation. – N.Y.: Columbia univ. press: Longmans, Green & co., 1909. – Ch. 10.

³ Calhoun A.W. A social history of the American family from colonial times to the present. – Cleveland (OH): Arthur H. Clark co., 1919. – Vol. 3. – P. 266–270.

⁴ Cooley C.H. Social organization: a study of the larger mind. – N.Y.: Charles Scribner's sons, 1909. – P. 362–367.

⁵ Goodsell W. A history of the family as a social and educational institution. – N.Y.: Macmillan co., 1915.

ности – на семейную жизнь можно было бы описать либо в их исторической перспективе, либо в их нынешних манифестациях. Пожалуй, допустимо, по крайней мере в качестве методологического эксперимента, и сочетать эти два подхода при описании составных компонентов *Zeitgeist* американского общества.

Индивидуализм и брачные эксперименты

Индивидуализм как социальная сила – это тенденция к полной свободе индивида от социальных ограничений. Иначе говоря, индивидуализм, как говорит Томас, «означает личную схематизацию жизни – изготовление своих собственных определений ситуации и установление своих собственных норм поведения»¹. Эта эмансипация от группы, разумеется, никогда не доходит до полной завершенности.

Индивидуализм в Америке, как и демократия, которой он кладет начало, был принят в политических и экономических отношениях дольше, чем в социальных отношениях. Меж тем он не мог не проникнуть даже в эту сферу человеческой жизни.

В политических отношениях индивидуализм означает, что каждый человек сохраняет за собой высшую степень автономии и самоопределения, согласующуюся с необходимым минимумом социального контроля. В экономических отношениях он означает, что каждый человек волен работать и зарабатывать себе на жизнь в соответствии со своими интересами и желаниями без произвольного вмешательства со стороны других. Внося этот же идеал в семейные отношения, индивид утверждает свое право искать союз, который даст ему наивысшую возможность выразить свою личность, и так же свободно разорвать брачные узы, как только они начнут его угнетать.

Зарождение индивидуализма и корни сегодняшней дезорганизации семьи мы должны искать в Реформации.

«Эпохи Возрождения и Реформации преуспели в возвышении индивида и создали благоприятную почву для упадка семьи как социальной единицы. Каждый человек должен был крепко

¹ Thomas W.I. The unadjusted girl, with cases and standpoint for behavior analysis. – Boston (MA): Little, Brown & co., 1923.

стоять на своих ногах. Распушенность мнений и учений в отношении святости брачных уз и в отношении развода восходит к континентальному протестантизму XVI в. Она нашла отражение в законах протестантских государств Европы и в кодексах Новой Англии»¹.

Но объяснение Кэлхуна не принимает в расчет напрямую перемены в экономической организации общества. А в итоге промышленной революции семья изменила свою экономическую основу. Даже в сельской среде Нового Света семья была существенной экономической единицей. Для мужа семья была скорее активом, чем обязательством. Жена играла роль партнера в добыче пропитания из почвы. Женщина находила свое подлинное место в доме как жена и мать. Судьбы старой девы боялись, поскольку для одинокой женщины не было иного места, кроме положения домашней прислуги и ломовой лошади. Первейшим мотивом для брака было обретение дома и тем самым экономической безопасности².

Специализация в промышленности и движение населения из сельской местности в город отобрали у дома почти все экономические функции и привели к «эмансипации» женщин. Множественные возможности, явленные женщине в городской жизни для того, чтобы стать самостоятельной и самой зарабатывать себе на жизнь, избавили ее от экономической зависимости от мужчины. Поэтому брак уже не столь императивен, как раньше. А после заключения брака женщина может разорвать семейные узы без неизбежного подведения под угрозу своего жизнеобеспечения.

Степень этого экономического изменения можно показать, приведя статистику занятости женщин в промышленности и в профессиях. Рис. XII* показывает рост процента женщин, вовлеченных в доходные занятия, в Соединенных Штатах с 1870 г. Рис. XIII наглядно показывает, что вдобавок к несомненному росту занятости женщин был и заметный сдвиг от оказания домашних и личных услуг к другим занятиям.

¹ Calhoun A.W. A social history of the American family from colonial times to the present. – Cleveland (OH): Arthur H. Clark co., 1919. – Vol. 1. – P. 43–44.

² Ср.: Ibid. – Ch. 5.

* Рисунки, упоминаемые в тексте, здесь не приводятся. – *Прим. пер.*

С приходом женщины в промышленность и профессии, где она может сама себя обеспечить и в то же время иметь статус и престиж, которых она не могла иметь в браке, желание безопасности¹ становится менее значимым. Женщина обнаруживает, что почти все желания могут быть частично или даже полностью удовлетворены вне брака так же хорошо, как и в нем, кроме тех желаний, которые напрямую связаны с полом. От брака же она ждет любви и сердечности – неважно, по биологическим или социальным причинам. При нынешнем социальном порядке, по крайней мере, брачный союз предлагает единственное средство продолжающегося удовлетворения этих интимных требований для средней женщины, пусть даже и не для среднего мужчины. Зависимость женщины от мужчины реализуется ныне прежде всего в рамках того, что Томас называет «желанием отклика»². Отбор мужа происходит на основе атрибутов отзывчивости, т.е. любви и привязанности. Останется она с ним или нет, выйдя за него замуж, определяется в первую очередь на этой же основе.

Так из изменившихся условий современной жизни, находящихся свое ярчайшее выражение в городе, развился новый взгляд на брачную связь. Желание отклика как доминирующий мотив в браке заменило собой желание безопасности, и на основе его удовлетворения о брачной связи судят в терминах желаний одних только

¹ «Желанию нового опыта противостоит желание безопасности. Желание нового опыта... эмоционально связано с гневом, обычно вызывающим к смерти, и выражает себя в мужестве, наступлении, нападении, погоне. Желание нового опыта подразумевает, стало быть, движение, изменение, опасность, нестабильность, социальную безответственность. Индивид, оказавшийся в его власти, проявляет склонность к неуважению существующих стандартов и групповых интересов. Он может быть социальным фиаско по причине своей нестабильности или социальным успехом, если ему удастся превратить свои переживания в социальные ценности – облечь их в форму стихотворения, внести свою лепту в науку. Желание безопасности, в свою очередь, базируется на страхе, который вызывает стремление избежать смерти и выражается в робости, уклонении, бегстве. Индивид, охваченный им, осторожен, консервативен и боязлив, а также склонен к рутинным привычкам, систематической работе и накоплению имущества» (Thomas W.I. *The unadjusted girl, with cases and standpoint for behavior analysis*. – Boston (MA): Little, Brown & co., 1923. – P. 12).

² «Желание отклика... связано прежде всего с инстинктом любви и проявляется в склонности искать и подавать знаки оценки и признания в связи с другими индивидами». (Ibid. – P. 17.)

индивидов. Это ведет к индивидуализации поведения в браке, нацеленного на экспериментирование с брачными отношениями. Эти эксперименты могут принимать неконвенциональные или даже незаконные формы либо через развод дают конвенционализированный способ перехода от одного союза к другому.

Случай Фанни Херст представляет собой эксперимент с брачными отношениями, открывающий как мужу, так и жене максимум «свободы».

«Твердо придерживаясь мнения, что девять из десяти союзов, которые я вокруг себя видела, были всего лишь отвратительными испытаниями на прочность, обросшими плесенью фамильярности и презрения, и будучи убежденной в том, что слишком часто самая священная связь стирается как отрез сияющей атласной камчи, становясь спустя несколько месяцев просто кухонной тряпкой, покрытой несвежими пятнами от сваренных всмятку яиц, я приняла кое-какие решения относительно того, каким не должен быть мой брак.

Прежде всего, я всячески подчеркиваю, что мой брак не был результатом причуды или какого-то -изма, а это была всего лишь проработка проблемы в соответствии с высокоспециализированными потребностями двух профессионалов.

Мы решили жить отдельно, сохраняя свои отдельные однокомнатные квартиры и встречаясь по внутреннему зову, а не по обязанности. Мы решили, что семь завтраков в неделю напротив друг друга для нас обременительны. Двух в неделю в среднем вполне достаточно. Мы решили, что в допотопном обычае, по которому женщина отказывается от своей фамилии, ставшей в такой же степени частью ее личности, как и цвет ее глаз, нет ничего ни поэтичного, ни разумного. Я родилась Фанни Херст и намерена умереть с этим именем. Мы решили, что в случае рождения ребенка он примет отцовскую фамилию до достижения правоспособного возраста, в котором он сам сможет принять окончательное решение.

Мой муж звонит мне по телефону, чтобы пригласить на обед, ровно с такой же частотой, как и другие друзья. И я ровно настолько же уважаю его планы. Мы решили, что коль скоро природа так часто расставляет капканы, используя это как средство

заманить двух человек в супружество, то мы в течение года испытываем наш брак на прочность и по истечении этого периода спокойно разойдемся, если это начинание окажется бременем, а не активом...

Исходя из этих предпосылок, по крайней мере в нашем случае, после пятилетнего кислотного теста пыльца все еще лежит на бабочкиных крылышках нашего приключения. И роса на розе»¹.

Что до случаев, когда один союз прекращается, чтобы уступить место другому, то вряд ли проходит и неделя без того, чтобы газеты не объявляли о чем-нибудь третьем или четвертом браке².

Неугомонность женщин

Изменения в городской жизни, ставшие источниками индивидуализма, породили также неугомонность и непоседливость. Переход от ремесленной стадии промышленного производства к фабричной сократил рабочие часы, в то же время сделав работу монотонной и скучной. Результатом стало не только то, что у индивида появилось больше времени для игровых деятельностей, но и то, что он обычно отбирает среди них такие, которые компенсируют высокой стимуляцией те нудные часы, которые он проводит на заводе и в офисе.

«В небольших и пространственно обособленных сообществах прошлого, где влияния были сильными и устойчивыми, их члены более или менее привыкали к жизни с подавленными желаниями и смирялись с ней. Такое подавление требовалось от всех, его распределение было справедливым, и хотя некоторые новые опыты запрещались, а удовольствие не поощрялось как самоцель, все же удовлетворения оставались, и не последнее место в них занимало подавление желаний других. Современный мир, в свою очередь, являет себя как зрелищный спектакль, в котором наблюдатель никогда не участвует в достаточной степени. Современное бунтарство и беспокойствие обусловлены контрастом между недо-

¹ New York world. – 1920. – May 4; цит. по: Thomas W.I. Op. cit. – P. 92–93.

² Например, случай Пегги Джойс.

статочностью исполнения желаний индивида и полнотой – или кажущейся полнотой – жизни вокруг него. Все возрасты попали под воздействие ощущения, что многое, слишком многое в жизни упускается. Эта неуспокоенность ощущается больше всего теми, кто до сих пор был наиболее исключен из общего участия в жизни, – зрелой женщиной и молодой девушкой»¹.

Следовательно, именно женщину отнесло дальше всего от ее якорей. В огромном царстве жизни, которое внезапно перед ней открылось, лишь очень немногие, если вообще какие-нибудь, нормы к ней применимы. Поскольку в изменившейся ситуации сохраняется рыцарская установка по отношению к женщине, от женщины терпят поведение, которого никогда не потерпели бы от мужчины².

Женщина была освобождена не только от ограничений прошлого, но и от необходимости выполнения какой-либо работы, за исключением, быть может, короткого периода, предшествующего замужеству. С точки зрения своего рода уравновешенности в меняющемся мире опыта, молодой мужчина имеет то преимущество, что после вариативного периода обучения от него ожидается, что он станет сам зарабатывать себе на жизнь. От девушки же, хотя она и обрела свободу делать ту же работу, что и ее брат, этого либо не требуется, либо она позже в жизни начинает обеспечивать себя сама. Если она выходит замуж, то почти наверняка живет на жалованье своего мужа, хотя может жить в многоквартирном доме гостиничного типа и не иметь никакой работы, кроме ухода за своими личными вещами. Если у вчерашней замужней женщины был дом, за которым надо было ухаживать, и зачастую несколько детей, то ее сегодняшней замужней дочери, особенно принадлежащей к некоторым социальным классам, не остается почти ничего, кроме как проводить свое время в поисках новых стимуляций. У нее нет детей, о которых надо было бы заботиться, нет дома, который нужно было бы прибирать, и ей не нужно готовить на кухне. Ее досуговые деятельности становятся ее всепоглощающи-

¹ Thomas W.I. Op. cit. – P. 71–72.

² Например, нет техник обращения с женщиной, которая в магазине отказывается ждать своей очереди.

ми интересами – интересами, которые часто уводят ее от мужа, а не приводят к нему.

«Ничто так не способствует здравомыслию и удовлетворенности, как разумное количество необходимого и поглощающего силы труда, дисциплинирующего разум и дающего человеку чувство своей полезности в мире. Кажется парадоксом сказать, что праздность опустошает, но в этом есть много правды, особенно когда речь идет о душах чувствительных и страждущих. Регулярные и необходимые задачи умиротворяют волю и вселяют уверенность, в то время как отсутствие таких задач изнуряет волю неясностью и тщетным выбором. Точь-в-точь как человек, шествующий проторенной тропой через лес, будет идти дальше с меньшими усилиями, чем тот, кто только ищет свой путь, все мы нуждаемся в твердой почве рутины, и отсутствие ее у женщин из состоятельных классов является причиной мятущегося, требовательного, часто истеричного духа, причиняющего беспокойство как его обладательнице, так и любому другому, – духа, который ведет к недовольству, неверности и разводу»¹.

Неугомонность ведет к неверности, и из социальной ситуации, не дающей деятельностям женщин благоразумной направленности, возникает развод². Самый доступный путь бегства – коммерциализированный отдых. Мало какие другие досуговые деятельности обладают такой притягательной силой, какая обнаруживается в нем, ведь первично-групповой контроль в нем больше не ощущается. Конвенциональные запреты рушатся, и общение становится более свободным. Отсюда сама собой вытекает супружеская неверность, и возникают ситуации так называемого «треугольника», когда мужчина и женщина встречаются, не зная и даже не заботясь о том, состоит ли кто-нибудь из них в браке³.

Поскольку немалую часть свободного времени замужняя женщина неизбежно проводит без сопровождения мужа, она под-

¹ Cooley C.H. Social organization: a study of the larger mind. – N.Y.: Charles Scribner's sons, 1909. – P. 368.

² Wife attempts suicide after intimacy with cabaret friend // Chicago Herald a. Examiner. – 1919. – March.

³ Asks for divorce after wife relates cabaret adventures // Ibid. – 1920. – Feb 29.

дается искушению находить общение, которого она жаждет, в связях с поклонниками, которыми наводнены места развлечений, угождающие ее интересам. При общинном типе социальной организации у нее не было бы ни времени, ни желания искать эти внешние развлечения, выведенные из-под контроля сплетен, так как в связях со своими детьми она находила бы отклик и признание, которых она теперь ищет в других местах.

Следующий случай м-ра и миссис К. иллюстрирует, как раздельные контакты в досуговой деятельности приводят к измене со стороны жены.

«М-ру и миссис К. примерно по 25 лет, и детей у них нет. До замужества миссис К. считалась “прыткой”. Ее семья была известна активной церковной деятельностью, но миссис К. это не интересовало, пока она два года назад не попыталась выйти в “общество”. У нее восхитительный характер, и почти всем она нравится с первого взгляда. Однако стоит ей узнать человека поближе, как она ему навязывается. Она всегда участвовала во множестве театральных постановок, которые давал женский клуб, к которому она принадлежала. Там она и встретила м-ра К. Он играл в пьесе небольшую роль, но эта роль всерьез их свела. Они начали вместе репетировать и в конце концов обручились. После этого они всегда выбирали роли, где играли бы вместе.

Спустя год они поженились. Поскольку м-р К. занимал хорошее положение в бизнесе своего отца, он смог обеспечить комфортабельный дом, которым они очень гордились. По прошествии двух лет супружеской жизни, однако, м-р К. стал все чаще ходить в даунтаун, а миссис К. возобновила общение с некоторыми из старых своих друзей. М-р К. отказывался выходить с ней в люди, как раньше; он хотел, чтобы она общалась с его друзьями, но она отдавала предпочтение своей старой компании или церковной группе. С последней он категорически отказывался поддерживать какие-либо контакты, часто заходя за миссис К. в церковь в своей старой грязной одежде. Иногда она, обидевшись, не уезжала домой с ним. В таких случаях он отпускал замечания, толкуемые ее церковными друзьями как “едва ли уместные”.

М-р К. отказался участвовать в дальнейших постановках. Миссис К., однако, стала интересоваться ими как будто даже

больше, чем раньше. Во время репетиций она познакомилась с молодым человеком; в двух постановках они играли вместе. Миссис К. сказала ему, что м-р К. в супружеских отношениях “груб”, тогда как она стремилась к вниманию, нежности и ласке. Она рассказала своему воздыхателю, что ее муж отказался позволить ей иметь ребенка; она хотела ребенка, так как чувствовала, что это поможет ей вернуть мужа. Сначала она отвергала приставания другого мужчины. Она сказала, что хочет от него романтики, которой нет в ее муже. Спустя какое-то время, однако, они стали вместе гулять, потом съездили в близлежащий городок. Они продолжали встречаться, пока мужчина не уехал из города.

Когда ее любовник покинул город, миссис К. начала уделять больше внимания своему мужу, и спустя какое-то время он ответил взаимностью. Его уже не так часто видели в даунтауне. Вскоре, однако, миссис К. взяла роль в еще одной постановке, и они снова друг к другу охладели. На этот раз она не стала заводить близких привязанностей, а вскоре посвятила все свое внимание и время церковным делам.

М-р и миссис К. “ладят друг с другом”. Он идет своим путем, а она своим. Теперь у нее есть свое авто, и она может выезжать, куда хочет, не спрашивая разрешения у мужа. У них никогда не было открытого разрыва. Они редко появляются на людях вместе, так как м-р К. отказывается сопровождать жену на какие-либо социальные мероприятия, которые он некогда посещал¹.

Романтический комплекс

Тесно связан с неугомонностью, но куда шире распространен характерный для Америки романтический взгляд на жизнь. Современная цивилизация, представленная в ее наивысшей форме в городе, – это внешняя природа, искусственная и стандартизированная. Индивид всюду старается выскочить за границы этого совершенного материального рая, выстроенного современным человеком. В своей попытке эмансипироваться от давящих воздействий материальной среды он до сих пор пытался скинуть с себя и ограничения социальной среды. В этом процессе новое и необычное (а

¹ Неопубликованный документ (рукопись).

часто и странное) становятся высшими ценностями, и в итоге мало что остается, кроме несвязного, хаотичного движения – аналогичного попыткам бегства, которые мы видим у только что посаженного в клетку волка. Все эти попытки бегства соответствуют романтическому идеалу¹.

«В общем и целом нечто является романтическим, когда, как сказал бы Аристотель, оно скорее удивительно, чем вероятно, иными словами, когда оно нарушает нормальную последовательность причин и следствий в пользу приключения. Здесь именно и кроется фундаментальный контраст “классического” с “романтическим”, подстерегающий нас с самого начала и так или иначе сохраняющийся во всех способах употребления этого слова вплоть до наших дней. Нечто романтично, когда оно странно, неожиданно, насыщено, превосходно, экстремально, уникально и т.д. Нечто классично, в свою очередь, когда оно не уникально, а представляет некоторый класс. В этом смысле медики, пожалуй, верно говорят о классическом случае тифозной лихорадки или о классическом случае истерии. Оправданно даже говорить о классическом образце романтизма. При незаметном расширении смысла вещь оказывается классической, когда принадлежит высокому или лучшему классу»².

Хьюм сформулировал это несколько иначе, хотя и не без тех же самых импликаций:

«Вот корень всякого романтизма: в том, что человек, индивид – это бесконечный резервуар возможностей, и если вы сможете переустроить общество, разрушив гнетущий порядок, то эти возможности обретут шанс, и вы достигнете Прогресса.

Классическое можно ясно определить как точную противоположность этого. Человек – необычайно скованное и ограниченное животное, природа которого абсолютно постоянна. Только

¹ В деревне этот романтический идеал становится институционализированным.

² Babbitt I. Rousseau and Romanticism. – Boston (MA); N.Y.: Houghton Mifflin co., 1919. – P. 4.

благодаря традиции и организации из него можно извлечь что-нибудь достойное»¹.

Хотя романтизмом окрашена едва ли не каждая форма деятельности в современной Америке, нигде его воздействие не было столь революционным, как в области семейных отношений. Является ли романтический идеал недостижимым, на что намекали некоторые², или нет, не должно нас здесь занимать. Достаточно того, что он оказал несомненное влияние на изменение установок индивидов по отношению к брачным отношениям.

Романтический идеал брака в Америке вырос естественным образом из вошедшей в обиход романтической концепции жизни. Эта концепция предполагает не только свободу выбора в браке, не сдерживаемую авторитетом никакой группы, но и свободу строить свои брачные отношения по любому образцу, какой только придет на ум.

«Романтический комплекс» можно определить как комплекс установок и чувств, расценивающий брачную связь как исключительно связь взаимной чувствительности. Эта романтическая установка рисует брачный союз в красках любви – в значительной степени сексуальной привлекательности – и задает стандарт, согласно которому успех брака измеряется удовлетворением высокоидеализованного желания отзывчивости.

Далее романтическая установка характеризуется верой в то, 1) что в браке будет найдено единственное подлинное счастье, 2) что идеальные любовные отношения – это сродство душ, 3) что каждый может найти идеального партнера, 4) что существует только один такой человек и 5) что этот единственный будет немедленно признан при первой встрече, т.е. через любовь с первого взгляда.

Более того, романтика требует постоянной демонстрации нежности – любви, ласки, непрерывного ухаживания. Когда работа настолько утомляет мужа, что он пренебрегает тем, чтобы прилас-

¹ В очерке «Романтизм и классицизм». См.: Hulme T.E. *Speculations: essays on humanism and the philosophy of art.* – L.: Routledge & Kegan Paul, 1924. – P. 116.

² «Пугающим результатом романтизма является то, что, привыкнув к этому странному свету, вы уже не можете без него жить. Его воздействие на вас подобно наркотику». Ibid. – P. 127.

кать свою жену, она несчастна, ведь весь ее день был проведен в ожидании такого внимания как идеальной формы замужней жизни¹. Хотя романтика отделяет любовь от страсти, все же обычно бывает высокая корреляция между сексуальными отношениями и пиком счастья, пусть даже сами люди этой связи не признают.

Медики часто привлекали внимание к тому факту, что сексуальные желания у мужчин не похожи на сексуальные желания у женщин. У мужчины половой порыв относительно локализован, а у женщины – рассредоточен. Что касается прямых сексуальных порывов, то у женщины гораздо заметнее, чем у мужчины, выражена периодичность. При этом корреляция между физиологической и психологической периодичностью у женщины невелика, по крайней мере когда в ситуацию входит романтическая установка. Желание косвенной сексуальной отзывчивости – нежности, ласки, внимания – у нее относительно постоянно. У мужчины же косвенное теснее связано с прямым. Этот конфликт в сексуальных импульсах акцентируется и становится более активным источником раздражения, поскольку при романтической установке физиологическая основа не признается, а если признается, то выталкивается из разума².

В романтической схеме нет полутонов, только черное и белое. Если нет счастья – высшего счастья, – то всё, отчаяние. Для романтически мыслящего человека жизнь – это череда безрадостных разлук. Разлуки происходят по необходимости, а не по выбору, ведь человек должен хотя бы притворяться, что хочет постоянного присутствия другого. Желать иного – значит быть предателем собственного романа. Привычная колея обычной супружеской пары – ночной кошмар всех романтиков.

Оттого годовщины свадьбы – события большого значения, о которых следует помнить и которые надлежит отмечать с особыми проявлениями нежности. Письма, которые писались во время ухаживания, надо хранить как сокровища, до тех пор, пока любовь

¹ См.: Mowrer E.R. Family disorganization: an introduction to a sociological analysis. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1927. – Ch. 9. – P. 232.

² Ср.: Malchow C.W. The sexual life. – St. Louis (MO): C.V. Mosby, 1914. – Ch. 9.

наконец не уйдет и для причинения мук не останется одна лишь сентиментальная привязанность к безделушкам и подаркам¹.

Именно эта романтическая концепция брачных уз становится в наши дни фокальной точкой супружеских разладов². В случаях, когда этот идеал не осуществляется в первом браке, если этому не противодействует давление первичной группы, обычно ищут его осуществления где-нибудь еще³.

В одном из ракурсов эта романтическая установка представлена в следующем письме. Его обнаружил как свидетельство в бракоразводном процессе мужчина, оказавшийся не столь романтическим мужем, каким жена ожидала его видеть.

«Мой дорогой, милый Джордж!

Две недели я ждала своего “маленького кусочка рая”, и напряжение нервов у меня дошло едва ли не до агонии. О, Джордж, если бы ты только знал, как я ждала этого – маленького знака того, что я действительно дорога тебе, а не просто пользуюсь твоей симпатией.

Отныне и навеки я уверена в себе. Но я могла лишь что-то предпринимать, чтобы разобраться в том, что у тебя на душе, – пока нам не пришлось время расстаться. Тогда я и узнала, что и ты уверен в себе...

Когда ты уехал, я была совершенно несчастна. Я, как и ты, не могу вынести разлуки с теми, кого люблю. Я плакала, но мне было хорошо, когда я была у тебя дома. Я провела там вечер, и матушка гадала на картах. Она смеялась и говорила, что я собираюсь выйти замуж за лучшего мужчину, живущего в наши дни.

На следующий день у меня был разговор с другой стороной. Речь шла о том, что я люблю тебя, и ты любишь меня, что это было видно по нашим лицам, когда мы смотрели друг на друга, что он заметил это на следующий же вечер. Я сказала, что если и так, то мы этого не сознавали, а теперь, когда ты ушел, я поняла, что во всем мире мне нужен один только ты...

¹ См.: Mowrer E.R. Op. cit. – Ch. 11. – P. 250.

² См. «Дневник Мириам Донавен» (гл. 11).

³ Husband asks for divorce after finding wife with affinity // Chicago Herald a. Examiner. – 1919. – May 3.

Я все время думаю о тебе и целый день хожу с молитвой на устах. Бог, несомненно, услышит мою молитву, милый, и в один прекрасный день мы будем счастливы, я уверена. Пытаюсь представить тебя в лагере, но меня постоянно преследуют воспоминания о тех счастливых днях, что мы провели вместе. Не забывай, что с тобой ЖЕНЩИНА, и она так же одинока, как и ты. Я читала и перечитывала твои письма, угадывая малейший проблеск любви в каждом слове, которое ты написал. И вот наконец между тобой и мной ничего не стоит – я уже рассталась с ним в духе, душе и сердце.

Я никогда не сделаю ничего, что повредило бы твоей репутации, ведь я очень тебя люблю – чистой, беспримесной, истинной любовью, она словно возносит меня на высшие и лучшие высоты.

Когда ты сможешь почувствовать, Джордж, что ДОМ живет в моем сердце, тогда ты уверишься, что настоящая любовь твоей жизни пришла к тебе – любовь, которую даже твоя мать, как бы всем сердцем ты ее ни любил, изменить не в силах.

Даже от зла может прийти добро. Будь терпелив. Будь мужествен. Помни, милый, что и я несу в себе всю меру несчастья, но смогу с ней бороться, если у меня будет хотя бы какая-то надежда на будущее. Да поможет Бог нам обоим»¹.

Увеличение времени досуга дало современной женщине больше времени на то, чтобы читать и мечтать – т.е. идеализировать жизнь. В результате значительная часть ее времени тратится на попытки осуществить, прямо или косвенно, этот идеал. В силу экстернатности ситуации она склонна идеализировать тех, с кем встречается в своей досуговой деятельности, а характеристики собственного мужа перестают ее удовлетворять. Таким образом, она заводит другие связи, обещающие дать ей страстно желаемое удовлетворение². Соображения, удерживающие единство семьи в первичной группе, – статус в сообществе, безопасность, забота о детях, – по всей видимости, имеют мало значения там, где основной измерения успеха в браке становится романтический идеал.

¹ Husband asks for divorce after finding wife with affinity // Chicago Herald a. Examiner. – 1919. – May 3.

² См., например, случай м-ра и миссис К., о котором сказано выше.

Итак, можно указать на некоторые тенденции, которые предположительно соотносятся с ростом дезорганизации семьи. Индивидуализм, неугомонность женщин и романтизм, или романтический комплекс, были отобраны нами как представительные для этого метода исследования. В сущности, эти понятия представляют собой абстрактные описания конкретных событий, насколько те являют нам единообразие изменений, ведущих от простого аграрного или ремесленного мира к сложному, в котором тон задает машинная техника.

Проблема с применением подобных понятий состоит в том, что они не дают объяснения тем явлениям, для описания которых они используются. Утверждение, что нынешняя семейная дезорганизация является результатом индивидуализма, неугомонности женщин или романтического комплекса, все еще оставляет без ответа вопрос: почему сегодня мужчины и женщины более индивидуалистичны, чем прежде; почему женщины более, чем в иные эпохи, неугомонны и романтичны? Одним из обычно даваемых объяснений служит, конечно, машинная техника¹. Согласно этому объяснению, промышленная революция трансформировала жизнь в современном мире. Как она изменила жизнь? Изменив ее материальные условия и тем самым – экономическую организацию мира. Но это объяснение предлагает опять-таки лишь описание изменения в физической организации, все еще не показывая, как именно эти материальные изменения модифицируют поведение людей.

Проведенное Кули² различие между первичной и вторичной группой, с сопутствующей дифференциацией социальных контактов, дает объяснение описанным выше явлениям.

Упадок первично-группового контроля

Городская жизнь ничем существенно от сельской жизни не отличается, за исключением того, что в ней ускоряются все жизненные процессы. Иначе говоря, в городской жизни процессы

¹ См.: Chapin F.S. An historical introduction to social economy. – N.Y.: Century co., 1917. – P. 170–260.

² Cooley C.H. Social organization: a study of the larger mind. – N.Y.: Charles Scribner's sons, 1909. – Ch. 3. Разумеется, Кули не использует в связи с этим термин «вторичная группа», хотя рассматриваемое различие им подразумевается.

приспособления индивида к среде того же рода, что и в сельской, но приспособление должно происходить быстрее и в более сложной ситуации. Возьмем для примера удовлетворение игрового порыва. Процесс взаимоприспособления между импульсом и материальными условиями, предлагающими его удовлетворение, в сельской и городской жизни, по существу, одинаков. Однако в городской жизни он протекает не так просто и не столь неторопливо, как в сельской. Отдых в городе более возбуждающ, но и более утомителен. Разница эта между тем относительна и скорее в степени, нежели по роду.

В биологии есть принцип, известный как «закон органического роста». Он описывает, как обычно нарастают или изменяются большинство органических процессов. Эти изменения происходят в геометрической прогрессии. Иначе говоря, с регулярными промежутками времени каждое новое значение будет оказываться в постоянном процентном соотношении с тем значением, которое непосредственно ему предшествовало. Недавно вышедшая книга профессора Огборна, похоже, подтверждает применимость этого закона к любому социальному изменению¹. Следовательно, в городской жизни все процессы сельской социальной жизни, по видимому, изменялись и нарастают в постоянном темпе.

Было предпринято немало попыток измерить этот рост. Все они были относительно безуспешными, поскольку им приходилось иметь дело главным образом с изменениями в экономической структуре города. Важно же то, что эти экономические изменения производят изменения в контактах и стимулах, воздействующих на каждого. В таких условиях жизнь обретает нарастающую мобильность. Нет уже той массы социальных привычек, которая предоставляет человеку подходящие приспособления ко всем его контактам и стимуляциям, и многие из последних так же новы для группы, как и для индивида.

Первое следствие такого умножения контактов – это дезорганизация индивида посредством обрушения его личных связей, на которых держится мораль². Отношения становятся случайными

¹ Ogburn W.F. Social change with respect to culture and original nature. – N.Y.: B.W. Huebsch, inc., 1922.

² Если индивид вырос и был воспитан в городе, он все еще, вероятно, будет иметь сельский тип личностной организации, пусть и в модифицированной

и специализированными. Связь человека с другими людьми устанавливается на основе специализированных интересов, и в ней оказывается известной только одна сторона его личности. Индивид в значительной степени сам определяет свои поведенческие нормы. Внешний характер его контактов открывает ему возможность переходить из одной группы в другую, даже если нормы разных групп противоречат друг другу. Все это становится возможным благодаря росту числа вторичных контактов и тенденции ко все большему замещению ими контактов первичных.

Умножение контактов не обязательно означает социальную дезорганизацию. Социальная дезорганизация – результат отставания в том, что проф. Огборн называет «адаптивной культурой» группы¹. При прежней сельскохозяйственной жизни семья выработала весьма удовлетворительный способ приспособления к жизненным условиям. Поведение индивида совершенно определенно контролировалось семьей, церковью и сообществом.

«В старом сельском обществе царил обычай. Это был обычай жить с одной женой; обычай велел жене быть покорной, а авторитету мужа – быть выше несовместимости. Более того, когда люди проводили всю свою жизнь в месте, где они родились, чувства их соседей действовали на них с убедительной силой. Мужчина, формально разрушавший свою семью, или женщина, формально покидавшая своего мужа, должны были принимать во внимание неодобрение соседей и их хмурые взгляды из-под бровей. Городская жизнь – великий растворитель обычая: соседи не знают друг друга, а если и знают, то толерантны друг к другу, либо проблему можно решить с помощью переезда. Следовательно, в

форме. Он вовсе не обязательно становится настолько дезорганизованным, как мигрант из села в город, и он, вероятно, опытнее в переходах из одной группы в другую. Возможно, конечно, что со временем индивиды и группы выработают кодексы моральных правил, основанные на рационализированном понимании социальных отношений, и они займут место кодекса, основанного на личных отношениях. Но такого еще никогда и нигде не бывало, кроме, возможно, очень ограниченных групп. Соответственно, выросший в городе человек может дезорганизоваться и часто дезорганизуется так же основательно, как и выросший в сельской местности, едва только освободится от ограничений своей семьи и соседства.

¹ Ogburn W.F. Op. cit. – P. 240–245.

вопросах развода человек волен идти на поводу у своей фантазии»¹.

В значительной степени нынешняя дезорганизация семьи есть результат этого перехода от первичных к вторичным отношениям без необходимой переналадки контроля. Многие из попыток контроля, однако, по роду такие же, что и те, что работали в сельской местности. Один из самых действенных способов придать постоянство институту в первичной группе – подкрепить его санкциями религии. Этот тип контроля был техникой, выработанной в рамках авторитарической философии, для которой права индивида мало что значили, а интересы группы безраздельно преобладали. Религиозные санкции оберегали институт от сил распада, создавая веру в конечную гибель тех, кто отказывался подчиниться. Но в Америке с самого начала в браке видели не таинство, а просто гражданский договор. Это могло привести лишь к одной концепции семьи: что это не священный институт и что ее нужно строить на основе потребностей затронутых индивидов. Каждый, соответственно, на свой лад решал, что те или иные аспекты института, санкционированные религией, ему не по душе. Результат этого мы и видим вокруг: всевозможные эксперименты в семейных отношениях с разрушением брачных уз, когда они обнаруживают свою неудовлетворительность.

Метод социального контроля, характерный для первичной группы, Томас и Знанецкий назвали техникой «приказания и запрета»². В более элементарном группировании он был приемлемым, ибо возможности удовлетворения желаний в других группах ограничивались физическими ограничениями на передвижения. Сегодня в городе ситуация изменилась. За преданность индивида конкурирует множество групп. Техника «приказания и запрета» не работает, просто выталкивая индивида в другую группу, где его желания могут быть удовлетворены. В результате удовлетворения многих своих желаний индивид ищет в группах, где царит значи-

¹ Calhoun A.W. A social history of the American family from colonial times to the present. – Cleveland (OH): Arthur H. Clark co., 1919. – Vol. 3. – P. 266–267.

² Thomas W.I., Znaniecki F. The Polish peasant in Europe and America. – Boston (MA): Richard G. Badger, 1918. – Vol. 1. – P. 3–4.

тельная распушенность, т.е. в группах, где контакты первичны, но осуществляются на вторичной основе.

Эта «эмансипация» индивида от контроля первичной группы всячески стимулировалась быстрым ростом населения в городских ареалах. Чикаго можно взять как иллюстрацию изменений, происходящих в городе. Рис. XIV показывает рост населения Чикаго с 1860 г. Этот рост был в значительной мере результатом движения людей из сельской местности в город и притока иммиграции, а не естественного превышения рождаемости над смертностью. Быстрый рост населения означал постоянное перетекание людей из одной части города в другую. Каждое изменение в экономической структуре города означало сопутствующее изменение в его социальной структуре. Результатом было не только разрушение первичных контактов, но и то, что постоянное перемещение людей из одних окружений в другие не позволяло выстраивать соседские связи и тесные личные узы и вело к замене их более мимолетными контактами.

Развитие вторичных контактов в городе может находить отражение в увеличении газетных тиражей, посещаемости общественных танцевальных залов, театров и кинотеатров, в расширении рекламной отрасли, росте числа телефонных звонков, автомобилей, радиоприемников и перемен адреса.

Рис. XV показывает рост тиражей газет в Чикаго с 1884 г. За четыре десятилетия тираж ежедневных газет, приходящийся на 100 человек, почти утроился. В настоящее время на каждые 10 человек приходится примерно восемь газет, или четыре газеты на каждую семью численностью пять человек¹. Это, конечно же, означает, что многие люди прочитывают больше одной газеты в день. Если этот рост газетных тиражей помножить на рост объема

¹ Предостережем читателя от слишком буквального прочтения этих цифр. Тираж ежедневных газет покрывает не только читателей внутри Чикаго. Какая доля читателей находится вне города, нельзя точно узнать из отчетов о тиражах, публикуемых газетами, и хотя этим фактором пренебрегать не стоит, пока она относительно невелика. Кроме того, распространено чтение одной газеты более чем одним человеком, а также чтение ежедневных газет, издаваемых вне Чикаго, и они повысили бы показатель подлинной циркуляции ежедневных газет. Насколько два последних уточнения нейтрализуют первое, можно только гадать.

самих газетных выпусков, значимость роста вторичных контактов через прессу становится более наглядной.

Результатом является то, что за специализированные интересы индивида конкурируют многочисленные группы. Но в силу того что в любой отдельной группе индивид может найти удовлетворение лишь немногих своих желаний, его связи становятся непостоянными, связями по случаю. Это допускает значительную степень анонимности. Результат этой анонимности в городе дает индивидам возможность жить двойной жизнью. Каждый год в чикагских судах разбирается много дел, в которых фигурируют мужчины, живущие на два дома; в первичной группе такое достижение невозможно¹.

Таким образом, в городе индивид избавляется от старых, зависящих от первичных контактов видов контроля, осуществляемых через сплетни. В брачных отношениях это означает для индивида свободу выбора партнера и все, что этой свободой предполагается, т.е. формирование брачных контактов и обязательств в согласии с желаниями затронутых индивидов и без всякого соотнесения с какими-либо другими лицами или группами.

Социальные силы и личные интересы

Теперь социальные силы, участвующие в дезорганизации семьи, могут быть рассмотрены в связке с другими методами изучения этой проблемы. Социальные силы в том смысле, в каком здесь употребляется этот термин, – это тенденции, которые, сочетаясь, определяют общий тренд исторического изменения в пространенности семейной дезорганизации. Но такие силы воздействуют на каждую семью. Чтобы объяснить, почему в том или ином случае одна семья дезорганизуется, а другая остается интегрированной, надо показать, как в последнем случае тенденциям, ведущим к дезорганизации, противостояли другие тенденции. Таким образом, мы имеем недостаток в осмыслении, и можно было бы его устранить, направив внимание на то, как эти тенденции проявляются в опыте индивидов.

¹ Allard L. Jailed when bride finds he is father of 5 // Chicago Herald a. Examiner. – 1923. – May 30.

Следовательно, для целей контроля необходимо мыслить социальные силы как некоторым образом объективно воплощенные в поведении людей. Исследование процессов, посредством которых в опыте людей в их брачных отношениях развиваются установки, дает нам более адекватные описания социальных сил, чем прочерчивание исторических тенденций.

Изучение исторических трендов, в конце концов, прочерчивает только массовые влияния институтов и не показывает, как эти силы обретают форму в опытах конкретных людей. Такой анализ семейной дезорганизации служит, следовательно, методом ориентации, предваряющим описание процессов в опытах отдельных людей. Работа с частными случаями – еще один источник развития метода кейс-стади – начинается с индивида как единицы анализа и, стало быть, предлагает нам методологическое развитие, лучше пригодное для раскрытия причинных связей.

Сокр. пер. с англ. *В.Г. Николаева*